

Хидекель Борис Зиновьевич родился в 1940 году, в 1962 г. окончил историко-филологический факультет Ростовского государственного университета. Доцент кафедры политической социологии Южного федерального университета.

Прежде всего, уточню: мое мнение о книге Евгения Сапиро «Никого впереди» взгляд не критика – профессионала или учёного – литературоведа. Ни в коем случае. Это мнение доброжелательного читателя и давнего преданного почитателя и ценителя русской словесности.

«Никого впереди» мне рекомендовал прочитать мой давний коллега. Не скрою, что когда увидал объёмистый том с плотным убористым шрифтом, то скис. Через несколько дней, поуспокоившись, решил просмотреть книгу по диагонали, как поступали мы, студенты – филологи, перед экзаменами или зачётами по какой – нибудь из литератур. И надо же такому случиться, что книга открылась на исполненном шарма диалоге Юры Брюллова и Ирины Вороновой. Я был покорён изяществом, элегантностью и остроумием, с каким они говорил «про это». Сценок такого рода без налёта пошлости и ханжества в современной литературе мне встречать не доводилось. А уж в пуританской русской классике XIX века и подавно они были невозможны. Этот эпизод, крохотный по отношению к величине романа, попросту говоря, зацепил меня и побудил страницу за страницей возвращаться к началу романа.

Жанр романа определён в «Слове ректора» как «художественные мемуары», или «роман на документальной основе». Автор определил его - как «художественный фильм, «пригодный для хрестоматии... по новейшей истории, политологии, менеджменту, экономике». Сформулирована им же и чёткая установка: « ... главное, чтобы с ароматом тех десятилетий». С реализацией последней задачи автор справился наилучшим образом. Атмосфера огромного периода нашей истории (1949 – 2014 г.г.) воспроизведена вживе: она - в подробностях быта, жизненного уклада тех лет, шутках, анекдотах, манере мыслить и общаться и т. д. Лично мне это было интересно и близко. Что же касается жанра, то если читателя увлекло написанное, ему в высшей степени безразличны поиски литературно – генетических корней произведения и ярлычки на них. Пусть этим занимаются отрешённые от жизни умники и стёршие на этом зубы профессионалы. Известно же, что все жанры хороши, кроме скучного. Однако второе ректорское определение мне кажется более точным с той оговоркой, что многие авторы романов вводят в ткань повествования документы, а иные для придания достоверности даже придумывают их. (Пример: В Богомоллов «В августе 1944»). Но и в том, и в другом случае это просто романы без всяких довесков. А авторское «художественный фильм» мне кажется ещё точнее.

Об этом говорит и «киношное» построение произведения: две части, две серии с двумя выразительными названиями «Океан» и «Воронка». Первая – о безбрежных возможностях и надеждах молодого поколения, смело ринувшегося в бурные волны жизни за победами, добычей, славой. Во второй части, особенно к финалу, целая социальная система идёт на слом, время и пространство стремительно сужаются и ускоряются, исчезая с завихрениями в никуда. Может быть в вечность, а может быть, туда, где «впереди никого» и ничего, добавим. А внутри этих частей – серий, как в киносценарии, главы с именами тех героев, которые в данный момент находятся в луче внимания автора, обязательно с указанием года, а зачастую месяца и конкретного числа события. Такой приём придаёт движению романа высокую динамичность, обостряет читательское внимание и помогает ему не упускать персонажей из поля своего зрения. Конкретизация событий во времени сближает роман и с хроникой. Вместе с тем, здесь угадывается умная, хорошо продуманная инженерная схема, конструкция. Можно было бы отправить книгу Евгения Сапиро в компанию, вполне приличную, «производственного романа», к которой относят и А.Хейли, и И. Штемлера, и «Сталь и шлак» В.Попова, и сборник А.Бека «Доменщики», так повлиявший на выбор юным Брюлловым профессии. Но по широте изображаемого и многослойности сюжета «младенец», как Гвидон, не уместается в этой бочке. И, слава Богу! Хорошо, что он ни на кого не похож, кроме своего родителя.

В мемуарах о перестроечном и постперестроечном времени недостатка нет. В отличие от последних, художественное произведение о тех же временах имеет одно важное преимущество. Автор его свободен от многого, в том числе от этических коллизий с ещё живущими невыдуманскими персонажами воспоминаний, их реакцией, их согласия или несогласия с мемуаристом. Писатель же создаёт собирательные образы, изобретает им имена и фамилии, привычки, биографии и проч. Только близкий круг знакомых автора узнает в героях книги их прототипы, а для отдалённого читателя они не существуют. Однако, чтобы появилось художественное произведение, нужна временная дистанция и достаточное количество тех же мемуаров в качестве подножного корма для исторической науки, а также для повестей или романов об этом времени и его людях. Второе, слава Богу, наличествует, а вот дистанция, как мне кажется, показалась коротковатой для наших писателей. В этом я вижу объяснение того, что «Никого впереди» остаётся пока одной или одной из немногих и вместе с тем одной из первых о России тех лет.

К несомненному преимуществу Евгения Сапиро перед другими авторами следует отнести отсутствие необходимости вживаться, влезать в шкуру своих героев, ибо их жизнь и их биография – это и его жизнь, и он щедро дарит им живые и неповторимые краски и подробности из собственного жизненного

арсенала. В наибольшей мере ими наделён Юра, отчасти Дьяков, может быть, – Атаманов. К приёму превращения личности автора в прототипы своих героев прибегнул Игорь Губерман в романе «Прогулки вокруг барака». И только в самом конце романа с изумлением узнаёшь, что Писатель, Деляга и Бывалый - это сам автор в одном лице. Смею предположить, что Академик и Деловой тоже отчасти реинкарнации автора, часть его «Я». Правда, герои Евгения Сапиро, исключая Дьякова, мне кажутся чрезмерно идеализированы.

Есть у автора и ещё одно куда более важное достоинство, принципиальное в любом творчестве – чувство личной свободы. В романе «Скучная история» А.П.Чехов назвал это чувство главным элементом творчества. И заключил он свои размышления о писательстве принципиальным выводом: если присутствуют «умышленность, осторожность, себе на уме, но нет ни свободы, ни мужества писать, как хочется, стало быть, нет и творчества». Для многих политических лидеров, политиков всякого калибра и всяких веков и по сей день «Государь» Макиавелли является настольной книгой. На мой взгляд, «Никого впереди» должна бы выполнять ту же роль в работе управленцев, руководителей поселений, городов, губернаторов, глав Субъектов Федерации и проч. Она поучительна и для тех, кто нацелен на карьерный взлёт и жизненное преуспевание. Какой из возможных путей, и какие средства реализации своих жизненных планов предпочесть – дело выбора каждого. В романе без тени назидательности и нравоучительства прослежены обе жизненные линии и конечные итоги того или иного выбора.

Если продолжить мечтательную игру советских лет «если бы директором был я», рекомендовал бы студентам соответствующих профессиональных профилей книгу Евгения Сапиро как занимательную или увлекательную науку управления людьми, производством, экономикой, где с привлечением шутки, анекдота, притчи, немудрёной, но многозначительной житейской истории, а то и парадоксальной остроты легко и просто преподносятся важнейшие понятия и законы этих и родственных им наук (менеджмент, логистика и т. д.).

В одном из блистательных выступлений А.Аузана рассматривается проблема взаимоотношений писаного и неписаного, формального и неформального, официального и неофициального в отношениях начальников и подчинённых, государства и гражданского общества. «Человеческое, слишком человеческое» - содержание всего романа Евгения Сапиро. Слог его лёгкий, летящий, изящен, пропитан юмором, порой налётом иронии и потому так симпатичен и так увлекателен при всей его суховатости и минимальной экспрессивности. Он неоднороден: местами - это стиль делового отчёта, местами – научного трактата в популярной форме, местами – исторического экскурса. Характер его, насколько я понимаю, обусловлен решаемыми в данный момент художественными задачами. А художественность не освобождает от обязанности оставаться верным хронике исторически х

событий. На страницах романа слышны отголоски полемики между профессором Либерманом и академиком Глушковым об управлении экономикой (с.85), размышления о фальши общественных наук (с.83 -84) В целом на протяжении всего романа и в стиле, и в сюжете доминирует рация.

Все герои, в особенности центральные, как на подбор, не просто умны, а умны очень. «Виноват» в этом, видимо, сам автор, от богатства своего ума не обидевший даже проходных персонажей. Диалоги героев динамичны, стремительны, но не индивидуализированы, иногда кажется, что герой общается и спорит сам с собою. Не думаю, что присказка Брюллова об урологии или дьяковское «никого впереди» принципиально что – нибудь меняют в этом плане. Узнаваема речь одного Морозовского, но она отдаёт некоторой искусственностью, манерностью. Можно, конечно, списать на известное отношение его к миру искусства и еврейское происхождение, предписывающее каждому представителю этой национальности речевую манеру героев еврейских анекдотов. Понятно, такая ссылка вряд ли кого убедит, но это всё же лучше, чем обесцвеченность языка.

Автор и его герои изъясняются на безукоризненно грамотном русском языке, несколько даже дистиллированном; отсутствует даже намёк на местный речевой колорит. Кстати, респект всем «акушерам из издательского роддома». Они поработали в высшей степени скрупулёзно и профессионально. Только в двух местах попались предложения, скроенные по модели фразы из чеховской «Жалобной книги»: «подъезжая к станции, с меня слетела шляпа»... И всё равно: на такой огромный текст два прокола – это даже по советским драконовским требованиям к книгоизданию замечательно. Ещё одна блошка – фамилия известного музыканта переименована на уральско – сибирский манер. Он всё - таки Безродный, а не Безродных. Хочу почти закончить этот, к счастью, очень скромный список просмотрев редактора и корректора вариативностью отчества жены Атаманова: то Дмитриевна, то Захаровна. А вот и последняя мелочь: перворазрядник по настольному теннису Юра Брюллов жалуется на нехватку времени для повышения уровня своего спортивного мастерства, но на с.107 он уже КМС.

Безусловно, главным героем романа является Александр Дьяков. Его жизненный принцип дал имя и всему роману. Он наиболее живой и правдоподобный из всех других, куда более близких и симпатичных самому автору. Именно ему, Дьякову, посвящено наиболее подробное описание его медленного, но неудержимого усыхания человеческого в его душе в ходе бесконечной погони за осуществлением своего идеала «никого впереди». То, что поначалу воспринималось окружением его как безобидная игра амбициозного юнца, превратилось в навязчивую и потому бессмысленную идею. Апофеоз и финал её - сцена с выбором Александром Игоревичем места своего последнего успокоения. О нём мало кто может отозваться по –

доброму (тренер и директор кладбища, те кому он что-то сделал хорошее, исходя из соображений дальнего или ближнего расчёта, исключение). Даже любившая его когда – то жена Варя признаёт, что Дьяков демонстрирует «мелкую говнистость». Другие отмечают, что он не способен делиться по – честному ни с кем и ничем. Вспомним сцену с награждением, подготовку и защиту диссертации, аферу с американской фирмой и множество других. Но это человек, которого можно ненавидеть, бояться, уважать или не уважать. Потому что он живой.

Атаманов и Брюллов симпатичны и их создателю, и читателю с начала романа и до его конца. Они безупречны и непогрешимы в каждое мгновение их жизни. В особенности, замечен в этом Атаманов. Почему – то в связи с ними вспоминаются литературные образы из 19 века: русский немец Штольц и гоголевский грек Костанжогло. Рядом с ними Скачко выглядит гораздо правдоподобнее. Он реален. Даже реальнее Дьякова. Он обаятелен, как чеховский Лопухин, настолько, что забываешь: ведь ты имеешь дело с акулой молодого российского капитализма, что он предпримет в следующий момент, не знает и он сам.

Кстати, неожиданной и в то же время символичной оказалась развязка предвыборной схватки его со своим бывшим наставником и покровителем Дьяковым.

Очень колоритен Фима Морозовский. Но в чём – то, повторюсь, и анекдотически колоритен Он напоминает Остапа Бендера, как его родной сын или внук. Случайно ли, что место его рождения Бендеры? Но это Бендер куда более умный, образованный. Он не бессребреник и ни на минуту не забывает о благополучии своём и семейства. Но коренное его отличие от знаменитого предка состоит в том, что нажива, прибыль для него не самоцель. Ему доставляют истинное наслаждение и радость придумывание, продумывание и реализация остроумных, на грани гениальности и криминала, многоходовых комбинаций, где всё учтено: и психология людей, и дыры и неясности в законодательстве и пороки системы социалистического хозяйствования.

Замечательна вставка об отце Фимы и Брежнев. Фима, пожалуй, единственный из героев, внешность которого можно представить. Это стокилограммовая махина за метр девяносто с внешностью молодого Ширвиндта. О Брюллове известно, что от мамы Диляры он унаследовал черты сына Востока. Все остальные не имеют даже таких скудных внешних признаков. Дьяков, Атаманов, Варя, Скачко, Ирина, Оксана Допомога и прочие персонажи второго и третьего планов все почему – то безлики. Это мешает моему читательскому восприятию и обедняет произведение. Но вот такая заковыка: сказал, что Брюллов, Атаманов схематичны, но почему – то думаю о них, как о живых людях из крови и плоти и сочувствую

им и желаю им всяческого добра. Может быть, автор своей любовью к ним заразил и меня, читателя.

Сюжет романа организован таким естественным образом, что создаётся полная иллюзия, будто все события развиваются сами по себе без произвола автора, которому только и остаётся добросовестно фиксировать их.

Книга написана аппетитно, вкусно. Не только в том смысле, что отличается высоким вкусом ее создателя. Она заражает желанием активного участия в творческом делании жизни.